

Книги Александра Башибузука
в серии

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ОРАНЖЕВАЯ СТРАНА. ФЕЛЬДКОРНЕТ
ХРОНИКИ ГОРАНА. ПРОЗНАТЧИК

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР БАШИБУЗУК

ХРОНИКИ ГОРАНА. ПРОЗНАТЧИК

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б33

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1017

Художник
В. Федоров

Башибузук А.

Б33 Хроники Горана. Прознатчик: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2266-1

Оказывается, и так бывает... Открыл глаза, а вместо медсестры рядом Яга. Да, самая настоящая. Правда, находишься ты не в избушке на курьих ножках, а в небольшом каменном домике, да и Яга, мягко говоря, совсем не смахивает на сварливую бабку с костяной ногой, но зато в антураже присутствуют домовая с лешим и громадный котяра по имени Буян. И всякие прочие кикиморы, шишиги и волкодлаки с упырями. Даже гномы с эльфами водятся местами, вполне настоящие, но почему-то зовутся хафлингами и алвами, да и видом немного не те. Про колдунов и чародеев, надеюсь, упоминать не надо? На первый взгляд может показаться, что попал в сказку, но очень скоро начинаешь понимать, что со сказкой окружающая действительность ничего общего не имеет...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Александр Башибузук, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2266-1

ПРОЛОГ

Бледное как снег лицо, курчавая бородка и слипшиеся от пота русые пряди, прикрывающие высокий лоб. Молодой мужчина лежал с закрытыми глазами, мощные, перевитые жгутами мускулов руки безвольно распластались поверх мехового одеяла.

Неожиданно он дернулся, словно в судороге, и открыл глаза.

— Ты смотри, быстрый какой... — Женщина в глухом плаще с капюшоном, стоящая возле кровати, коротко усмехнулась и быстро провела рукой над головой парня. Раздался едва слышимый звон, прозрачное облачко, состоявшее из мельчайших серебряных снежинок, сорвалось с маленькой ладошки и осело на лицо мужчины. Живые, полные возмущенного непонимания глаза медленно потускнели и закрылись.

Женщина постояла мгновение возле кровати, потом плавно, с изящной грацией развернулась и подошла к алтарю, на котором стояла искусно вырезанная из белого мрамора маленькая статуэтка, изображавшая обнаженную девушку, от ступней до пояса обвитую гирляндами цветов.

В комнате раздался грудной мелодичный голос:

— Госпожа Дея, верная слуга твоя преклоняется перед тобой и просит принять новую душу в лоно твое...

ГЛАВА 1

*Звериные острова. Остров Быка. Предгорья Черного хребта.
9 Лютовея 2001 года от восхождения Старших Сестер. Вечер*

Бархатная обволакивающая темнота резко сменилась ярким пронзительным светом, вышибающим из глаз жгучие слезы. Глаза закрылись сами по себе, но через мгновение я попробовал их открыть вновь, с трудом пересиливая желание уйти в спасительный мрак, несущий забвение и покой.

Почерневший от времени потолок, обшитый тесанными вручную досками. На столбе, украшенном грубыми резными узорами, под самым потолком висит на гвоздике связанный толстыми нитками пучок сухой травы с крупными, фигурными продолговатыми листьями. Паучок пробежал по узорчатой паутинке... Паутинке?

Я захотел протереть глаза... и чуть не заорал от радости, граничащей с животным ужасом. Мускулы сработали, и рука выполнила приказ. Рука выполнила приказ!!! Рука выполнила...

Радость сменилась диким разочарованием. Сон, опять сон... Сознание не хочет мириться с суровой действительностью и тешит себя спасительными грезами, позволяющими хоть на миг вырваться из неотвратимо надвигающегося безумия. В бессильной обиде, на себя и весь мир, опять сжал веки.

— Проснулся? — Грудной, мелодичный женский голос показался мне совсем незнакомым, но удивительно приятным. К тому же он каким-то невероятным образом смешивался с пряным ароматом мясного бульона, разбавленного запахом ковра. Странное сочетание...

— Проснулся, спрашиваю? — В голосе прозвучали нетерпеливые и требовательные нотки.

— Проснулся, — машинально ответил я и не узнал собственного голоса. Мало того, я не узнал языка, на котором сказал

эту фразу, и вдруг стал понимать, что неизвестная девушка говорит на том же языке. Отрывистом, полном гласных звуков, совершенно незнакомом мне, но все равно вполне доносящем смысл сказанного.

— Вот и молодец. Теперь вставай и иди есть... — Надо мной возникло миловидное округлое женское личико с большими немного раскосыми глазами и собранными от висков в две толстых косы темно-русыми волосами.

— Ты кто? — быстро спросил я, стараясь воспользоваться последними мгновениями пред грядущим безумием. В том, что оно наступит, сомнений уже не оставалось. Все не так, все непривычно, вплоть до холодных судорог, железной хваткой охватывающих разум.

Сложенные из массивных валунов низкие стены. Закопченные сучковатые балки, увешанные пучками сухих трав и связками чего-то непонятного, очень похожего на мелкие косточки. На стенах мохнатые шкуры, полки уставлены горшками, кривоватыми склянницами и мешочками. Грубо кованые стенные шандалы с бесформенными кусками чего-то светящегося ярким, мягким светом. В уголке, между сундуков, каменный алтарь с тлеющей лампадкой подле женской фигурки, искусно вырезанной из какого-то белоснежного камня. Неправильно, я не должен здесь быть. Почему — не знаю, но не должен!..

И девушка... Ладная фигура, но совсем не хрупкая, полная силы, мощи и одновременно диковатой грации. Русые волосы, собранные в несколько кос, унизанных кольцами желтого, тусклого металла. Лицо немного простоватое, но милое, правильных очертаний, кажущееся немного скуластым, скорее всего из-за больших глаз с изумрудно-зелеными радужками, поддернутых уголками к вискам. Длинная черная юбка, в нее заправлена белая блуза с широкими пузырчатými рукавами, овчинная безрукавка мехом наружу. На широком, проклепанном кожаном поясе — длинный широкий нож в потертых ножнах, слегка изогнутую рукоятку которого венчает черная голова непонятного зверя. Множество браслетов на руках и ожерелье из чеканных черных бляшек с медальоном в виде... странного, совсем не человеческого черепа с тремя рубиновыми глазами...

— Кто ты?.. — Я машинально повторил вопрос, не в силах воспринять окружающую меня действительность.

— Я? — слегка удивилась девушка, но потом улыбнулась и ответила: — Я Мала. Малена. Как ты себя чувствуешь?

— Чувствую? — Я с удивлением рассматривал свою руку. Толстое запястье, мощное предплечье, массивная мозолистая ладонь... Но как? Как я могу рассматривать свою руку, если я... что я? Ничего не помню. Знаю лишь, что раньше не мог рассматривать свою руку... Господи!!! Память внезапно вернулась, и я словно со стороны увидел мертвенно-блеклую больничную палату, множество непонятных медицинских приборов и высохшее, словно мумифицированное, мужское тело на кровати. Лицо не рассмотрел, мешала кислородная маска, но был совершенно уверен, что это я... Да, я, некогда здоровый, полный жизненной энергии, превратившийся волей судьбы в усыхающее растение... Но почему? Как? Эти фрагменты напрочь исчезли из памяти.

— Вспомнил? — Малена уже отвернулась к очагу и что-то помешивала длинной деревянной лопаткой в закопченном котелке, висевшем над большим очагом, обложенным диким камнем.

— Не все... — выдавил я из себя и, внутренне трепеща, попробовал сесть... и сел!!!

— И что же ты вспомнил? — Девушка споро собирала на стол: взмах тесака устрашающего вида — и с легким треском от большой круглой ковриги отделился ломоть ноздреватого, пахнущего легкой кислинкой хлеба, еще взмах — рядом лег второй.

— Практически ничего... — Я наконец обратил внимание, что на мне надета рубаха из грубого домотканого холста, вышитая немудреными, слегка напоминающими скандинавские, узорами по вороту. И той же ткани широкие свободные порты. Неожиданно в голове возник вопрос и сразу же прозвучал в глосе: — Скажи, Мала, а как меня зовут?

— Как тебя звали раньше, я не знаю. — Малена плюхнула половник дмящегося, источавшего дивный аромат мясного варева в большую глиняную миску. — А сейчас тебя зовут Гор.

— Гор... — Я попробовал проговорить это имя, словно пробуя его на вкус. — Гор... А кто этот Гор... был?..

— Дурак, — категорично выдала Малена и с хрустом раздавила несколько зубков чеснока, придавив их клинком тесака к доске, на которой рубила хлеб. Собрала остро пахнущие комочки на лезвие и аккуратно, поровну распределила по мискам. После чего посмотрела на меня и еще раз повторила, на этот раз, добавив определений: — Дурак. Слабоумный. Тупой. Ли-

шенный разума. — Девушка помедлила и с некоторым самоде-
вольством добавила: — Раньше был...

— Поясни... — Я себя в этом обличье не ощущал дураком.
Совсем наоборот, мысли отличались невиданной ясностью.

— Ты встаешь? — В голосе Малены опять проскочили нотки
нетерпения. — Да вставай же ты...

Мысль о том, что надо встать, резанула непонятым стра-
хом, впрочем мгновенно сменившимся такой же непонятной
уверенностью. Встать? Да это же просто... Мозги подали
команду телу, и оно послушно встало. Упруго, быстро и лов-
ко — как отлаженная, хорошо смазанная машина... Господи!!!
Я краем глаза уловил свое отражение в большом зеркале, об-
рамленном резной причудливой рамой. Повернулся — и чуть
не потерял сознание... На меня смотрел молодой мужик с руб-
леными, немного резковатыми чертами лица — совсем молодого
лица, если бы не сеточка морщин, тянущаяся от уголков
глаз. Целая копна волнистых русых волос, сажанные, чуть по-
катые плечи, мощная шея... Это я? Я? Но как?..

— Что, нравишься сам себе? — Ко мне подошла Малена и
по-хозяйски, как свое имущество, похлопала по спине. —
Да-а... — протянула она, — всем хорош был Гор, окромя головы
своей пустой. Но этот недостаток я исправила. Кажется, испра-
вила.

— Спасибо. — Мое сердце выбивало бравурные марши, но
разум, на удивление, остался холоден. Напрочь пропали беспо-
койство и сомнения, а страх сменился ледяной уверенностью.

— Отработаешь, — обыденно бросила девушка и добави-
ла: — Обязательно отработаешь. А теперь пошли есть. Вечереет,
пора уже.

Я прошлепал босыми ногами по тканым половикам, остро
ощущая каждый узелок, каждую ниточку, и сел на табурет возле
мощного, сбитого из тесаных плах стола. Деревянная, потем-
невшая от времени ложка зачерпнула дымящейся жидкости,
покрытой янтарным слоем жира.

— Оу-мм... — Я чуть не задохнулся от острого, на грани сек-
суального, гастрономического наслаждения. Не помню я... не
помню такого наслаждения от еды. Такое впечатление, что не
ел неделю... нет — месяц!

— Вкусно? — гордо поинтересовалась Малена, отмахнула
тесаком от большого кусмана вареной мясной мякоти его до-

брую половину и, наколов на острие, подала мне. — Держи... да не спеши ты...

— Рассказывай... — Я руками разодрал огненно-горячее мясо, присыпал серой крупной солью и, положив один кусок на ломоть хлеба, яростно вцепился в него зубами.

— Требовать будешь у мамыши своей... — Лицо Малены полыхнуло недовольством, но почти мгновенно сгладилось. — Так уж и быть. Расскажу. Жил был Гор... Горан, сын Ракши. Красивый, могучий парень, но полный никчема. Давно бы изгнали бедолагу — ведь дурак совсем, но его покойная мать приходилась сестрой Усладе, старшей жене Збора — нынешнего старшины рода. Поэтому и оставили. Толку от него не было никакого. Силищи немерено, бревна об колено ломал, а боялся любого громкого окрика. Помыкали им все. Даже сопливые ребяташки, не говоря уже о мужиках, завидующих облику и силе, не тому даденных. Испытание он, само собой, не прошел, даже не допустили. К воинскому делу — соответственно. Да и какой из него боец? Тут главное — дух, ан нет, отсутствовал он у Горана. Опять же разумом его Старшие Властительницы обидели, а какой вой без мозгов? Правда, парень он был исполнительным, безотказным. Любую работу за радость считал. Вот людишки и пользовались дармовой силушкой немилосердно. Бабы, особенно вдовушки, сначала привечали Гора, понятно зачем, но и здесь толку никакого не случилось. Ему хоть сиську в рот сунь, лыбится и совсем не понимает, что от него требуется. А бабы-то, они народец подлючий: как поняли, что пользы от него в этом деле как от козла молока — стали изводить парня всячески, шпынять немилосердно, пакости строить да мужиков подговаривать, будто беду он приносит. Вот так-то. Ах да... совсем забыла... немым он был — мычал только...

Мала замолчала, аккуратно отрезала кусочек мяса, наколола его на двузубую вилку и отправила в рот. Медленно прожевала и продолжила:

— А вот что дальше было, тебе знать незачем. Скажу лишь только, что забрала я его. Забрала и сотворила должное. То, что мне предназначала Дея...

Я слушал Малену краем уха, оставаясь абсолютно равнодушным к злоключениям бедолаги Горана. Даже не волновало, что этим Гораном был я сам. Сознание занимало другое: я начал вспоминать себя прежнего — покадрово, как в комиксе. Пролетели редкие кадры, и все окончилось картинкой, кото-

рую я уже видел. Только теперь она дополнилась тюремными решетками в больничной палате.

Это все? Все, что мне стоит знать из своей прежней жизни? А как же?.. Я понимаю, что вспомнил не все — только знаковые события. Но... но неужели больше ничего не было? Неужели я так глупо и пусто прожил жизнь? Усилием воли попытался вспомнить, даже зубы стиснул от напряжения, но ничего не получилось, и я вынужден был констатировать: да, больше ничего не было — этими кадрами можно охарактеризовать всю мою прошлую жизнь. Пустую, ненастоящую, зря прожитую в погоне за фальшивыми идеалами. А вообще... получается, что у меня и не было... идеалов этих. Обманки одни.

Злости не ощущал, оставался абсолютно спокойным, только где-то глубоко промелькнула легкая обида на себя — промелькнула и пропала. То, что меня непонятно каким образом занесло в чужое тело — даже, возможно, в другой мир, абсолютно не волновало. Никак, никоим образом, даже наоборот, появилось некоторое удовлетворение: удовлетворение тем, что я жив и могу еще раз попробовать. Попробовать достойно прожить свою жизнь.

— ...держи...

Я очнулся и увидел в ручке Малены черную, чеканенную странными узорами стопочку.

— Выпьем... — Девушка стукнула своим стаканчиком об мой и, закрыв глаза, лихо опрокинула его в рот. Смешно сморщилась и сразу потянулась за кусочком хлеба.

Я молча выпил и моментально почувствовал, как по телу разливается жаркая волна, в голове зашумело, в висках словно звякнули серебряные колокольчики.

— Что это? — Я попытался идентифицировать среди коллекции своих ощущений содержимое стопки, и не смог. Похоже на спирт, но мягче и абсолютно без вкуса. Разве что наблюдается очень легкое, почти неощутимое хлебное послевкусие.

— Великоградская тройная огневица... — небрежно бросила Малена и, выбрав в плошке сморщенный соленый огурец, аппетитно им хрумкнула. — Монаси великоградские творят.

— Водка? — Я последовал примеру девушки и чуть не скривился: огурчик оказался огненно-острым и одновременно кислым до невозможности. Но вкусным!!!

— Какая «водка»? Что такое «водка»? — заинтересовалась Малена и, забрав у меня миску, плеснула туда еще половник бульона. — Что-то из твоей прежней памяти?

— Да. Так ты все знаешь? — Я с легким удивлением обнаружил, что мне не хочется много говорить. Все вопросы и ответы получались односложными, короткими. Тем не менее я умудрялся вполне удачно выражать свои мысли.

— Смотря что. — Мала секунду поколебалась и опять наполнила стопки из большущей квадратной бутылки черного стекла. — Кем ты был раньше — не знаю. Знаю лишь только, что в своем старом мире ты был лишним.

— А в этом?

— Как получится... — усмехнулась Малена и повторила: — Как получится...

— Зачем ты это сделала? И как?.. — Мне почему-то это было совсем неинтересно, но вопрос все же прозвучал. Как бы по инерции.

— Такова была воля одной из Сестер. А как? Честно говоря, я сама не очень понимаю. — Мала пожала плечиками. — Да и не хочу понимать. Сестры плетут кружева предначертаний невидимыми для смертных. И тебе не надо понимать. Просто радуйся новой жизни и постарайся прожить ее с достоинством.

— Мне надо многое узнать про твой мир.

— Спрашивай.

— Кто ты, Мала?

— Яга, — обыденно ответила девушка, — ягушка, ежка, ворожка, ведунница... По-разному таких как я называют. А еще нас кличут колдовками и ведьмами.

— Баба-яга... — проговорил я вслух мелькнувшее в голове название. Вот только что оно значит?

— Бабы коров за вымя дергают!.. — неожиданно зло прошипела Мала. — Язык попрдержжи, а то...

— Не злись... — успокаивающе поднял я ладонь. — Я даже не помню, что это слово означает.

— Так бы и сказал, — улыбнулась девушка и стрельнула глазами на бутылку. — Ну что, по последней?

Я прислушался к своему новому телу и решил, что совсем не против пропустить еще стопку этой «великоградской тройной». Голова ясная, по телу пробегают теплые волны, постреливая огненными искорками в руки и ноги, хочется улыбаться. Так почему бы и нет?

— Давай. А на каком языке мы говорим?

— Ославский. На нем все Звериные острова говорят, — пояснила Мала и добавила на стол еще несколько плошек с заед-

ками. — Мы сейчас находимся на острове Быка — он самый большой. Еще есть Волчий, Гадючий, Медвежий острова, остров Тура, Орла, Куницы. Ну и еще множество мелких. Народ, проживающий здесь, зовется ославы, иногда нас еще называют чудины, но за это слово, неосторожно брошенное на Островах, могут убить. Не любит местный народец его — оскорблением считают.

— А ты тоже ослava? — поинтересовался я, зачерпнув ложкой ледяной квашеной капусты, пересыпанной клюквой. — Глаза...

— Заметил, да? — Мала кокетливо глянула в зеркало. — Нет, но считаюсь словеной. Надо говорить «словена», а не «ослава». Мужик — словен, девка — словена или словенка. Вместе они — ославы. Понял? Да, у нас все по женской линии считают. Деда моего бабуля в походе поимела — из Лесного Края он был — сами себя они называют — народ Ветвей, или алвы. — Малена хихикнула, убрала прядь волос и подмигнула: — Видишь раскосые глаза? От деда достались, кровь алвов крепка-а-ая. Ценится...

У меня немедленно в голове родилась непонятное слово, и я невольно перебил Малену:

— Эльфы?

— Какие такие «элфы»? Не знаю никаких «эльфов», — с улыбкой передразнила меня немного захмелевшая Мала, а потом очень серьезно посоветовала: — Ты бы уже заканчивал чушь пороть. Забудь все и живи новой жизнью. Народец на Островах горячий, могут, не поняв, оскорбиться да и прибить походя. А на материке мигом на костер угодишь за слова непонятные: значит, еретические. У них сейчас Белый Синод начал свирепствовать, за ереси борзо взялись. Понял?

— Понял, — коротко ответил я. — Ну так что там с дедом?

Мала одобрительно кивнула и, закинув в ротик ягодку, продолжила:

— Ценятся мужчины алвов среди женщин народа ославов. Красивые, ласковые, семя сильное, дети здоровые получаются. Однако взять их силой очень трудно, почти невозможно — все поголовно владеющие, хитрости непревзойденной, да еще воины отменные. Не знаю, как бабка сладила, но мама говорила, что на Островах она была самой первой красавицей и признанной воительницей. Так вот, она вернулась из похода уже пузатой. Благополучно родила мою маму, а потом и сгнула в очередном набеге. Матушка-то за словена пошла, но кровь деда уже перебить не получилось.

— Что значит «владеющие»? — на всякий случай уточнил я. В голове мелькнуло слово «магия», но озвучивать его я не стал.

— Владеющие Силой, — обыденно пояснила Мала. — Разными формами стихий, проявлениями Эфира и иных Пределов. Чародеи и чародейки.

— Маги? Владеющие магией?

— Не знаю такого слова... — помотала головой девушка. — Сказала же, владеющие Силой, или чародеи.

— А ты? — Я испытующе посмотрел на девушку.

— Я Яга, — немножко грустно и почему-то торжественно ответила Малена. — Я другая. Меня владеющие своей не признают. Люди тоже за свою не считают, даже не разрешают жить рядом с ними, но и без меня не могут. Судьба мне быть одной...

— Как ты стала Ягой?

— Просто, очень просто. Пришла в селение Дрина, прежняя хозяйка, — обвела девушка рукой комнату, — и потребовала девочку. По обычаю имела право. К тому времени я уже сиротой осталась, вот обчество и сообразило лишний рот отдать. А потом, когда время пришло, Дрина мне передала дар, а сама ушла. Вот и все. И я так сделаю. Своих-то детей мы иметь не можем.

Я промолчал, рассматривая Малену. С виду веселая, беззаботная, но есть в ней что-то печальное.

— Знаешь что? — Мала неожиданно встала и достала из сундука большую, завернутую в кусок холстины книгу. — Держи, считаешь перед сном. Тут много правды, но и без небылиц не обошлось. А я пойду, пора мне.

— Куда?

— По делам, — коротко ответила Мала и вышла в прихожую. Через время заглянула обратно, уже в длинной дохе и пушистой меховой шапке. — На улицу не ходи, ночь уже. Рудь тебя еще не знает, может помять ненароком.

— Кто такой Рудь?

— Лешак, — коротко бросила Малена и захлопнула дверь.

— Лешак? — Я немного постоял, пытаюсь осмыслить возникший в голове образ корявого, поросшего ветками чудища, затем присел на кровать и развернул тяжелую книгу. На толстой коже обложки отливала серебром какая-то вязь, очень похожая на готический шрифт. К своему немалому удивлению, я смог ее прочитать: «Бестиарий и описание рас Мира Упорядоченного от преподобного Эдельберта из Великограда». Ну что же, читаем...

ГЛАВА 2

«...телом велик, подобен человеку строением и космат аки медведь горный, окрасом черен с подпалинами али рыжий, разума невеликого, с детским схожего. Прибежище ищет в чащах лесных и на кручах горных, подале от людства разумного. На Звериных островах кличут его лешаком, на материке обзывают лесным хозяином, и много иных имен дают в других землях и владениях. Некоторые почтенные исследователи и невежественная чернь наделяют оною силой повелевать зверями и пушцами лесными и иными сильными чародейскими способностями, однако, не имея документальных свидетельств проявления подобного, склонен подвергнуть сомнению сии утверждения, но признаю возможность владения лешаком примитивной природной силой...»

*(Преподобный Эдельберт Великоградский.
«Бестиарий и описание рас Мира Упорядоченного»)*

*Звериные острова. Остров Быка. Предгорья Черного хребта.
10 Лютовея 2001 года от восхождения Старших Сестер.
Раннее утро*

Тонкий ледок, подернувший воду в корыте, лопнул с легким музыкальным звоном. Я набрал полные ладони и с наслаждением плеснул в лицо ледяной водицей. Поискал взглядом и сдернул с гвоздика домотканое полотенце, расшитое по краю растительной вязью.

Вечера никак не мог заснуть, познавая новый мир, оторвался от книги только когда в маленьком окошке забрезжили розовые лучи зари. Читал, и не мог отделаться от ощущения, что многое из изложенного преподобным Эдельбертом я уже слышал. Но как-то странно: не буквально, а очень и очень примерно. Почти каждому образу, каждому определению из книги у меня находился иной образ, иное определение из моей памяти, примерно схожие, но все же не те. А еще с каждой строчкой я все больше и больше убеждался, что мой новый мир абсолютно не похож на тот, в котором...

Скрипнула входная дверь, и на пороге появилась окутанная клубами пара Малена. Свежая, с румяными щеками, пахнущая морозом, хвоей, и от этого удивительно привлекательная.

— Не спал? — Девушка поставила в угол широкие, короткие охотничьи лыжи, скинула мне на руки тяжелую меховую доху и устало присела на скамью, привалившись спиной к стене и вытянув ноги в пушистых меховых бахилах.

— Да, не спал. — Я обмел веничком полы дохи и повесил ее на торчавший из балки сучок.

— И зря, дел у тебя сегодня невпроворот... — неодобрительно покачала головой Мала, потом состроила умоляющее личико и ткнула пальчиком в бахилы. — Поможешь?

Я молча стянул с нее сапоги и поставил их у порога, затем подвинул к девушке расшитые бисером меховые домашние тапочки.

Мала довольно хихикнула:

— А мне нравится. Уже отвыкла, все сама да сама. Продолжай в том же духе...

— Зачем я тебе? — прервал я девушку. — Тапки подавать?

— Прикажу — будешь подавать... — Улыбка мгновенно слетела с лица Малены. — Смотрю, много воли взял...

— Я задал тебе вопрос, — спокойно проговорил я, проигнорировав злость Малы. Где-то глубоко внутри проскользнуло желание вспылить, но очень быстро пропало, разбившись о ледяное спокойствие моей новой личины.

— Ладно, не бери в голову, — внезапно оттаяла девушка. — Ты мне ничего не должен. Я отпущу тебя, но позже. Ты сейчас как младенец, которого всему надо учить заново. Пошли лучше позавтракаем, я сейчас готова вепря целиком сожрать, так проголодалась. Впрочем, можешь уже уходить, я тебя не держу... — Зеленые глазки Малены ехидно прищурились.

— Без завтрака? — Я изобразил тяжелое раздумье. — Ну уж нет...

Мала засмеялась, ухватившись за мою руку, встала и направилась в комнату. Возле двери обернулась и сказала:

— Побудь в прихожке, пока я переоденусь. Негоже девице пред мужиком телесами сверкать.

Лукаво подмигнула и опять заразительно рассмеялась...

Я молча отвернулся, а когда за спиной скрипнула дверца, подошел к стойке у дальней стенки и взял в руки рогатину с коротким и толстым бугристым древком. Мгновенно в голове отобразилась одна из картинок прошлой жизни.

— Хотя что-то может оказаться полезным... — тихонечко прошептал я и провел пальцем по длинному и широкому листо-

видному наконечнику. Неожиданно по голубому металлу проскочили холодные серебристые искры, сложились в мудреную вязь и так же неожиданно погасли...

— Не балуй... — Из-за моей спины выступила Малена, взяла рогатину и поставила ее обратно в стойку. — Всему свое время...

Я отступил на шаг и подивился тому, как быстро девушка успела переодеться. В отличие от вчерашнего дня, сейчас на ней красовалось черное прямое платье с широкими свободными рукавами, расшитое по подолу и вороту серебряными узорами, и коротенькая, отороченная серебристым мехом душегрейка. Косы девушка распустила и уложила волосы под маленькую черную шапочку, немного напоминающую головной убор какого-то восточного народа из моей прошлой жизни. Впрочем, браслеты на руках, ожерелье с трехглазым черепом остались те же, но пояс со страхолюдным тесаком исчез.

— Нравлюсь? — Малена проследила за моим взглядом, хихикнув, крутнулась на месте, а потом подтолкнула меня по направлению к двери. — Иди уже, остынет все...

Со стола каким-то чудесным образом уже исчезли остатки вчерашнего ужина. Теперь на нем, на большом деревянном блюде, исходила жаром и непередаваемым запахом свежей выпечки целая груда румяных пирожков в окружении плошек со сметаной и вареньем.

— Но как? — Я разломил один из пирожков и с наслаждением втянул в себя насыщенный ягодный аромат. — Когда успела?

— Я тут ни при чем, — улыбнулась Мала. — Это Домна спроворила; видать, ты ей чем-то приглянулся.

— Домна? — Я припомнил, как вчера ночью несколько раз улавливал отчетливое шебаршение по углам, а раз даже приметил желтые круглые огоньки, приняв их за обычную крысу или что-то подобное.

— Домовица, — обыденно объяснила Малена, разлила по чашкам ароматный травяной настой и процитировала: «Всякому жилищу положен домашний дух, сиречь домовик, кои, как и люди, разного полу бывают...»

— «...оные духи при случае симпатии, возникшей к хозяину, пользу великую приносят и способны иметь воплощение земное, обличьем весьма похожее на карл ярмарочных, порой пригожее и приятное для взора, ежели они полу женского, однако вельми замазанное сажей и прочим сором...» — повторил я слова преподобного Эдельберга, закончив фразу за Малку.

При последних моих словах в углу кто-то возмущенно и громко чихнул.

Я немедленно откусил от пирожка, и с набитым ртом, отчаянно чавкая, продекламировал:

— Домна, домовица, пригожа девица, ликом светла, станом тонка! — Затем встал, поклонился в пояс и громко сказал: — Любо мне!

После моих слов по комнате будто теплый ветерок прошел, даже показалось, что светлее стало. В уголке еще раз чихнули, на этот раз довольно, а потом все стихло.

— Ты быстро учишься, — удивилась Малена. — Не ожидала.

— Просто обнаружил, что мне нравится читать. — Я осторожно глотнул настоя из чашки и выбрал еще один пирожок. — По крайней мере, мне так кажется...

— Похвально, похвально. — Мала даже несколько раз одобрительно хлопнула в ладоши. — Я тебе сегодня дам еще несколько книг.

— Почему несколько?

— Остальные — нельзя, — коротко и строго отрезала Мала. — Ты должен запомнить: пока живешь в этом доме — делаешь только то, что я разрешу. Любая самостоятельность может закончиться очень плохо.

— Хорошо, — вежливо я склонил голову. — Пирожков еще много, не скоро съедим, так почему бы тебе не рассказать мне про Острова и ославов?

— Много, — согласилась Малена и со вздохом посмотрела на блюдо. — Тогда слушай. Жителей Звериных островов остальные жители Упорядоченного считают грубыми варварами, при этом еще разбойниками и пиратами...

К тому времени как с блюда исчез последний пирожок, Малена успела довольно много мне рассказать про своих сородичей. Я даже подыскал им аналогию из своего прежнего мира — народ Севера под непонятным названием «варяги». Однако, как я уже говорил, сравнение оказалось очень и очень приблизительным, совпадая лишь по немногим общим чертам, а в остальном совершенно противоречиво.

— ...разбойничают, конечно, — куда без этого, но чаще сбиваются в наемные ватаги и идут на службу к князьям на материк... — Мала пресыщенно вздохнула и решительным движением подвинула блюдо ко мне. — Но это почти всегда в первую треть, реже до середины второй, а потом уже, если выживут, оседают на Островах.

— Треть?

— Первая треть жизни, — менторским тоном объяснила Малена. — Жизненный цикл ослava делится на три трети: первые две длятся ровно по тридцать лет каждая, а третья — уж как получится, некоторые и до двухсот лет доживают... — Девушка опять тяжело вздохнула и все-таки стащила последний пирожок с блюда. — Так вот, первая треть — период испытаний и становления, вторая — период мужества: каждый словен и словенка обязаны вернуться домой и определиться по жизни; ну а третья... третья — это период, исходящий из первых двух. А вообще, на нас много напраслины возводят. Ослavy много трудятся — к примеру, за морским зверем ходят к Вечным Льдам, скотину разводят, в шахтах руду добывают. Островная черная руда едва ли уступает по ценности знаменитой голубой, со Скалистого хребта, да и кузнецы ославские славятся на весь Упорядоченный, что бы там хафлинги ни плели...

— Хафлинги? — переспросил я, так как, согласно труду предподобного Эдельберта, самой ближайшей аналогией этому народу были гномы из легенд моего родного мира. Правда, самих легенд так и не вспомнил — один образ бородатого могучего коротышки в рогатой железной шапке.

— Они же подгорники, — кивнула Мала. — Пакостный, вредный народец, хотя и мастера великие.

— Жадные бородатые коротышки?

— Скорее прижимистые: торговцам и положено быть такими, — поправила меня девушка. — Ростом они, конечно, помельше остального люда будут, но не сильно. Зато широкие не в меру. И да — бородатые, правда, насколько я знаю, приличную бороду у них еще заслужить надо.

— И жену тоже... — улыбнулся я, вспомнив еще одну характеристику Эдельберта, данную этому племени.

— Ага, точно, — рассмеялась Малена. — С этим у них проблема. Мало того что надо в потребный возраст войти, соответствовать Древу рода, в котором все возможные варианты брачных союзов предусмотрены на века вперед, так еще и состояние склотить. Девы у них требовательные. Как по мне, любой при такой жизни вредным и пакостным станет.

— И как остальные с ними уживаются?

— Нормально, — пожал плечиками девушка. — В основном нормально, все же Старшие Сестры все народы скопом создали и привели в Упорядоченный, не наделяя никого особыми

преимуществами. А уже потом каждый пошел своим путем, так что особой любви не наблюдается, но все же как-то уживаются. Правда, владельцы боярств, пограничных Скалистому хребту, порой пытаются свары устраивать, по уши вляпавшись к бородачам в долги, но с теми особо не забалуешь. Набольшие хафлингов дела ведут с самими князьями, так что все быстро становится на место. А еще, несколько веков назад, при нашествии степняков-хашиитов, пришлось биться всем вместе. Тогда даже алвы из Пуц вышли, ибо страшное могло случиться...

— Битва при Дромадаре?

— Да... — Малена гибко встала и, сняв с полки толстую книгу, положила ее передо мной. — Вот. Как по мне, Феофан из Костополя все верно и правдиво описал... — Девушка вдруг замолчала, а потом неожиданно заявила: — Что-то мы с тобой засиделись, дружок. Пора тебе потрудиться. Да и для меня делишки вдруг нашлись.

— Говори, что делать... — охотно предложил я. Чувствую себя отлично, энергия так и бьет через край. К тому же очень хочется выйти на улицу и воочию взглянуть на новый для меня мир.

— Не спеши. — Мала поманила меня за собой пальчиком и вышла в прихожую комнату. Провела ладошкой над большим сундуком, открыла его и стала доставать аккуратно сложенную одежду. — Вот, держи. Нынче морозец приударил, а ты совсем голый. Давай не стой столбом, переодевайся.

— Это мое было?

— Скажешь тоже... — отмахнулась Мала и сунула мне в руки меховой малахай. — Твою рванину давно вороны в гнезда растащили. А эту одежду я припасла, пока ты в беспамятстве валялся. Живо, живо...

Когда Малена ушла к себе, быстро переоделся и подивился местной одежке. Насколько я понимаю, здесь процветает махровое средневековье, а смотри как продумано...

Два комплекта нательного белья: одно тонкое, шерстяное, грубой выделки, но приятное телу, второе подобно мелкоячейстой сетке — для того, чтобы циркуляции воздуха под одеждой не мешать. Крупной вязки толстенный шерстяной свитер под горло, очень теплый и тоже приятный на ощупь. Комбинезон на помочах до груди, грубой и на вид очень прочной ткани, подбитый стриженной овчиной. Высокие бродни из толстой, но мягкой кожи, подвязывающиеся ремешками на щиколотке и

под коленом — с меховыми чулками внутри. Ну и овчинная парка с капюшоном, краем немного схожая с летной курткой, только длинная — почти до колен. Застегивающаяся взапах на хитрую систему из петель и деревянных палочек. Да... малахай забыл. Уши почти до пояса, сам из меха какого-то водоплавающего шшит, по ости видно.

Присел пару раз и остался доволен. Все как по мерке — нигде не давит, удобно и продуманно. И... вроде такая одежда немалых денег должна стоить. Если оные тут ходят — пока не встречал упоминания в книге.

Но озаботиться этим фактом я не успел. Отворилась дверь, и Малена протянула мне широкий клепаный пояс с небольшой сумочкой и двумя ножами в ножнах — длинным широким и совсем коротким кривым.

— Держи. Негоже словену без клинка. Теперь по работе. Наколешь дров — там Рудь лесин в избытке наташил, да воды из ручья натаскаешь в котел при баньке, да сарайку поправишь — инструмент в нем же найдешь, да сам посмотри, что еще можно сделать, мужскому взгляду оно виднее. А попозже баньку истопи, да поядрени: чай, неделя сегодня — париться надо, нутро тешить...

При последних словах Малена неожиданно прыснула смехом и, треснув дверью, спряталась в комнате.

— Какая-то ты не такая, Баба-яга... — прошептал я, рассматривая длинный тяжелый нож с костяной рукояткой, очень похожий своим видом на скрамасакс.

— Очень даже такая, — немедленно сварливо отозвалась Малена из-за стенки. — А за «бабу» — я тебя в жабу превращу. А ну...

Ждать, пока меня превратят, я не стал и шагнул к входной двери. Но не дошел — она приотворилась от мощного толчка, и в прихожку влетел здоровенный котяра. Пепельно-серый, мохнатый как медведь, высотой мне почти по середину бедра и с кисточками на ушах — но не рысь, а именно кот. Как я от него не шарахнулся, даже не знаю — видок кошка имел самый злодейский. К счастью, котейко беспредельничать не стал. Выгнулся дугой, испустил протяжный урчащий «мя-а-а-ав», тернулся о мою бахилу, после чего счел ритуал знакомства законченным, толкнул башкой дверь в комнату и исчез.

— Его Буян зовут, — успела сообщить мне девушка. — Осторожней, подрать может.

Я хотел вслух сказать, что теперь Малене для полного комплекта Бабы-яги разве что филина не хватает, но передумал, напялил малахай и шагнул за дверь.

В лицо мгновенно шибануло ядерным морозцем, а глаза пришлось прикрыть — солнце, отражаясь от снега, напрочь слепило, не давая ничего рассмотреть. Я постоял на месте, немного проморгался и, наконец, открыл глаза...

ГЛАВА 3

«...вербер, сиречь медведь — оборотень, называемый еще урсулаком, видом своим схож с горным медведем, однако не в пример больше и свирепостью изряден, а також ость его приметна волосьями человека, в оного воплощенного. Несчастный, подверженный сему проклятию, в жизни никоим образом не отличается от своих собратьев по человеческому роду, однако есть свидетельства, что оный потребляет великое множество меда и склонен к подобным занятиям. В начальной стадии человек может контролировать свое перевоплощение, однако далее ему становится все труднее сдерживать зов проклятия, вплоть до полной невозможности...»

*(Преподобный Эдельберт Великоградский.
«Бестиарий и описание рас Мира Упорядоченного»)*

*Звериные острова. Предгорья Черного хребта.
10 Лютовя 2001 года от восхождения Старших Сестер.
Два часа пополудни*

— Ух ты... — невольно вырвалось у меня. Домик Малены находился на горке, предо мной развернулась панорама большой бухты, переходящей в искрящуюся сине-зеленую водную гладь. Океан, а именно так, без всяких приставок, его именовал преподобный Эдельберт, расстилался до самого горизонта, изредка прерываясь цепочками белоснежных льдин и большими группами скалистых островов, едва припорошенных зеленою деревьев.

Далеко внизу, у берега, расположился довольно большой поселок, дугой охватывающий бухту. По его периметру торчало несколько мощных квадратных каменных башен, соединенных крепостной стеной, а на высокой скале стоял маяк, покрытый

остроконечной крышей из отполированных листов металла. Поселок мне было видно как на ладонке, вплоть до фигурок людей муравьиного размера, снующих вокруг длинных каменных одноэтажных домиков.

Посередине поселения гордо возвышалось монументальное здание в виде громадной перевернутой ладьи — Малена успела мне рассказать, что это Зал славы предков, где собирается Совет рода...

— Гор! — раздался позади требовательный окрик Малы.

Я молча повернулся.

— Скоро будут гости, — спокойно сообщила девушка. — Занимайся своим уроком, ни на что не обращай внимания. И главное, молчи. Прятаться тоже не надо... — И дождавшись моего согласного кивка, Малена скрылась в доме.

— Молчать так молчать... — Я постоял немного, любуясь величественной заснеженной горной цепью, вонзающей свои вершины в редкие прозрачные облака, и потопал к груде лесин, наваленных друг на друга.

Озадаченно хмыкнул при виде четко отпечатавшихся на снегу следов здоровенных косолапых босых ног, отметив при этом, что лешак Рудь — явно немаленьких размеров. Да и силищей отличается: вон каких пней наташил, стервец.

Затем обратил внимание на домик Малены. Довольно большой, сложенный из дикого камня, с крышей, покрытой деревянными плашками на манер черепицы. И невероятно старый — стены полностью заросли целыми пластами мха, а деревянные части успели почернеть. Однако никаких следов дряхления, присущего старым постройкам, я так и не заметил. Казалось, домик только что построили, а потом для чего-то искусно состарили внешне.

К нему было пристроено несколько сарайчиков, уже не каменных, а рубленных из бревен, но крытых такой же отлично сохранившейся деревянной «черепицей». Я, ради интереса, даже чиркнул засапожником по деревянной пластинке и нешуточно озадачился, когда сталь не оставила на ней почти никаких следов.

Один из сарайчиков покосился набок — подложку из камня подмыло и нижний венец выскочил из пазов; но я решил взяться за него потом, и, отыскав пилу с колуном, принялся за дрова.

Лесины оказались каменной твердости, но груда пиленых чурбаков росла на глазах — «бренное тело», в которое меня все-

лило, отличалось просто эпической силищей, так что пила даже жалобно повизгивала, как нож в масло входя в древесину. А еще я просто млел от радости — физическая работа доставляла дикое удовлетворение. Мозги просто взрывались эмоциями — эмоциями человека, тело которого давно превратилось в бездвижное, бесчувственное бревно и вдруг наполнилось жизнью и силой.

Дзиин-н-нь... С пронзительным звоном чурбак лопнул пополам под ударом тяжелого колуна. Я наклонился за поленом и вдруг услышал топот множества лошадиных копыт.

Вздымая клубы снега, на поляну вынеслись несколько всадников на невысоких, но могучих лохматых лошаденках, одна из которых была впряжена в сани-волокушу. Коренастый бородастый мужик в опушенном круглом рогатом шлеме и длинной дохе мехом наружу, брякнув доспехом под шубой, соскочил с седла, бросился к двери дома и что есть силы пнул ее ногой.

— Не делай этого, Любош!!! — предупреждающе громко раздался высокий женский голос — один из всадников оказался женщиной.

Пять хорошо вооруженных мужиков и одна женщина.

— Закрой рот, Милица!!! — басом рывкнул мужик и занес ногу для следующего удара, но в то же мгновение с утробным воем согнулся пополам и рухнул в снег. Несколько секунд его коржило в жутких конвульсиях, а потом Любош неожиданно вскочил на четвереньки и забрехал как настоящий цепной пес.

Я тихонечко подправил рукой свою челюсть, отвалившуюся от удивления. Да, для меня уже было не секретом, что этот мир заполняет магия, но, не видя ее воочию, я относился к этому не вполне серьезно, скорее как к ярмарочным фокусам. А тут...

— Что вам надо? — На пороге показалась Малена. Я даже не сразу узнал ее. Девушка нарядилась в облезлую шубейку мехом наружу, расшитую косточками, веточками, перышками и еще чем-то непонятным. В руках Мала держала кривой сучковатый посох с навершием в виде человеческого черепа — с гипертрофированной челюстью, украшенной впечатляющими кривыми клыками. И голос... Голос принадлежал столетней старухе, а не цветущей молодой девушке.

Воины мгновенно сбились в кучу, закрывая волокушу, лязгнули выхватываемые из ножен мечи, но их неожиданно растолкала дородная статная женщина в шубе, крытой алым бархатом.

— На месте! Не замай!!! — властно скомандовала она мужикам, уверенно подошла к Малене и склонилась в земном поклоне.

— Здравствуй, Милица, — спокойно поздоровалась с ней Малена. — Что тебя привело ко мне?

— Беда, Малена... — Милица со злостью пнула Любоша, кинувшегося обнюхивать полу ее шубы, и повторила: — Беда...

— Ты не ошиблась, Милица? — так же спокойно поинтересовалась Мала. — Ты ко мне пришла защиты от беды искать? Ко мне? Яге?

— Да, к тебе... — твердо ответила женщина. — Любомысла, сына моего, подрал вербер. Далеко везти пришлось, не успели — Дравин и Венрир уже ничем не могут помочь — сама знаешь почему. Раны-то они закрыли, а вот... — По лицу женщины пробежало отчаяние, голос прервался, но она все же нашла в себе силы продолжить: — Только ты...

— Да, только я... — согласилась Малена и насмешливо посмотрела на Любоша. — Так ли надо просить?

После этих слов девушка оторвала от своей шубейки косточку и кинула ее незадачливому спутнику Милицы, немедленно бросившемуся за ней с веселым лаем.

— Прости его, не в себе он был... — умоляюще попросила женщина. — Сама знаешь, кроме Любомысла, никого у нас нет. Единственный он... Про виру мы знаем и согласны платить...

— Не мне вы ее заплатите... — задумчиво сказала Мала и вдруг, ни кому не обращаясь, спросила: — Что с оборотнем?

— Забил его Любомысл... — отозвался один из воинов — высокий пожилой бородач. — Посадил-таки на рогатину. А мы все по правилам сделали: спалили, значит, останки. Бортником из Медвежьей Пади оказался. В бегах был, тамошние уже его искали...

— Несите его за мной... — Мала круто развернулась и, не оглядываясь, пошла куда-то за дом.

Мужики мгновенно стянули с волокуши чье-то неподвижное тело, укутанное в шкуры и стянутое ремнями, и понесли вслед за Маленой.

Я недолго поразмышлял над происходящим и принялся опять за дрова. В глубине сознания еще бились изумление и даже некоторый страх, но они быстро гасли, сменяясь ледяным спокойствием и желанием принять это мир таким, какой он есть. Я и в прежней своей ипостаси не отличался повышенной

впечатлительностью, а сейчас и подавно. Как будто ограничитель на эмоции поставили — даже изъясняться стал как нелюдимый бирюк. Почему так? Не знаю, но абсолютно не хочу знать.

— Что дружок, несладко? — поинтересовался у Любоша, так и носившегося вокруг на четвереньках. — Налажал ты, конечно, изрядно, но ничего. Она тебя простит. Должна простить.

Превращенный мужик как будто понял меня, жалобно взвизгнул, а потом опять ускакал и стал пробовать помочиться на угол дома.

М-да... вот как-то не хочется попасть под горячую руку моей хозяйке. В кого она там обещала меня превратить — в жабу?

Не знаю, что происходило у старого каменного алтаря, расположенного за домом, но вдруг там что-то резко громыхнуло, резанул слух нечеловеческий вопль, и почти сразу же вынесли бесчувственного молодого парня. Мужики, радостно переговариваясь, погрузили его на волокушу и замерли в ожидании. Вскоре появились Мала с Милицей. Мала зашла в дом, вынесла склянку черного стекла, отдала ее Милице и предупредила, чтобы та давала сыну по ложке в течении седмицы, а потом ткнула посохом в Любоша. Мужик обрел прежний облик, мгновенно осел на снег, помотал обалдело башкой и полез на коленях к Мале. Но не дополз — жена вздернула его за ворот и непочтительно толкнула в сторону лошадей.

Еще мгновение — и посетители скрылись с глаз. Мне показалось, что они были очень рады как можно скорее убраться подальше от избушки Яги. Малена немного постояла у порога, смотря им вслед, а потом ушла в дом. Представление закончилось.

Да... Не знаю, какую роль играет моя хозяйка в жизни людей этого поселка, но роль эта значительна. И еще... уж явно не роль доброй феи... Впрочем... да какая мне разница... Где колун?..

Чурбаки скоро закончились, и, прихватив коромысло с деревянными ведрами, я стал таскать из ручья воду к стоявшей немного поодаль от дома баньке.

— Умаялся, поди? — неожиданно прозвучал за спиной голос Малены.

Я вылил в огромный бронзовый котел воду из ведер и повернулся. Передо мной стояла Мала с берестяным ковшом в руке. Она уже успела сбросить с себя страшный наряд и опять стала

цветущей красивой девушкой. Но от разительного контраста все равно становилось немного жутковато. Я даже подумал: она ли встречала гостей?

— Нет, не устал.

— Ну ладно, прервись пока... — немного смущаясь, предложила Малена. — Я тут тебе поесть принесла...

Она отступила в сторону, и я увидел на столике возле баньки большую сковородку, в которой исходила парком и яростно шкварчала яичница на сале. Рядышком, как довершающие аксессуары к картине гастрономического великолепия, на чистой скатерке пристроились плоски с моченой брусникой, солеными огурчиками, порубленный толстыми кольцами лук и досочка с ломтями ржаного ноздреватого хлеба.

— Опять Домна?

— При чем здесь она? — вспыхнула Мала. — Это что же, я сама не могу?.. Опять же голодный ты... наверное... — После этих слов она окончательно смутилась и даже немного покраснела.

— Голодный. — Я охотно согласился и сделал решительный шаг к сковороде.

— Куда? — Девушка решительно поймала меня за рукав и махнула ковшиком. — Сначала умываться и руки мыть.

Я недоуменно глянул на свои стерильно чистые руки — сам драил песочком в ручье, но потом решил не противиться. Зачем портить девчонке картинку?

Сбросил парку, стянул свитер с нательной рубашкой и, довольно порыкивая, ополоснулся, краем глаза заметив искреннее удовольствие на лице Малены. Обтерся припасенным ею рушником, накинул парку обратно, затем пристроился за стол. Подхватил поджаристый кусман сала и опустил ложку...

— А ты?

— Да куда мне, — смущенно отмахнулась Мала. — И так скоро поперек себя шире буду. Ты ешь, ешь, а я посижу тут... — А потом заполошно всплеснула руками и потащила из кармана дошки небольшую бутылочку зеленого стекла и стопку. — Ой-ой... совсем забыла... ты прими сначала для отвода недуги разной. Сама делала, на семи травах...

— За тебя... — Я неожиданно вспомнил такое понятие, как «тост».

— Неправильно, — улыбнулась Мала. — Ты словен, а словены делают так... — Малена встала и, явно пародируя кого-то,

прижала стопку к сердцу, а потом вытянула в сторону предполагаемой дамы, сплеснула немного настойки на снег и срывающимся баском важно проговорила: — Здрава буди, хозяйюшка, усладившая души наши ликом своим светлым и чрева наши — варевом сытным! Храни твой дом Малуша! — После чего махом опрокинула стопку в себя, топнула ногой и грюкнула стаканчиком об стол.

Я посмотрел в искрящиеся смешинками изумрудные глаза и в точности повторил сценку, вот только стучать стопкой об стол поостерегся — силушкой Горан отличался недюжинной, можно сдуру и разора натворить.

Мала вспыхнула от удовольствия и присела на чурбачок, примерно сложив ручки на коленках. Но долго не просидела, поерзала и заявила:

— Ну ладно, так уж и быть, вижу, что много вопросов у тебя, спрашивай.

Я наделил припершегоса на запах котяру большой поджаристой шкваркой и, хотя ничего не собирался спрашивать, все же не стал обманывать ожиданий Малены:

— Кто это был?

— Милица и Любош, — охотно ответила девушка. — Хорошая пара. Оба еще в первую треть связали себя клятвой перед Геей. Вместе ходили за добычей, вместе покрыли себя славой — пригнали домой хабара не счесть. Затем осели — богатыми хозяевами сделались. Любош в ближниках у старшины рода ходит, Милица хозяйство исправно ведет да за отроковицами в боевом учении приглядывает. Лучницей в свое время она знатной была. Только вот детками Старшие их долго обижали. Но все-таки вымолили они сыночка. Справный из него вой вышел. А вот видишь, как случилось... — Мала действительно выглядела огорченной.

— Я так понял, он...

— Да, он заразился, — договорила за меня Малена. — Такое очень редко случается, но случилось. Я еще буду разбираться почему. На Островах эта зараза давно водилась. Еще при Первом Исходе сюда прибыл Когош Железная Морда со своей дружиной. Так вот, они сплошь были урсолаками, но им выделили отдельный остров, где они и закончили в одиночестве свои дни. Там сейчас каирн стоит, где их останки запечатаны. Может, как раз этот случай с ними и связан.

— И что за виру они должны заплатить? — Я опять скормил кусочек сала Буюну, пожирающего меня умильными взглядами. И совсем не злобная зверюга, хотя и страшного вида.

— Проклятие такого вида не снимается — его можно только перенести на другого. Дравин и Венрир — это владеющие рода, но они не могут таким осквернять себя. Они белые — не можно таким творить черную волшбу, никак не можно. А мне можно, вот я и помогла...

— На кого перенесла?

— А тебе не все равно? — Малена внимательно на меня посмотрела.

Я прислушался к себе и сказал абсолютную правду:

— Все равно. А почему Любош вел себя так... — Я запнулся, подыскивая слово. — По-дурному...

— Люди постоянно забывают, с кем имеют дело. — Малена зловеше улыбнулась. — Вот я и напоминаю. Для этого и в таком виде к ним являюсь. И Любоша немного на землю спустила. Он на самом деле только подумал дерзкое, но я его мысль в дело воплотила, а потом и наказала... — Яга вдруг расхохоталась и пренебрежительно махнула рукой: — Ой, да ладно... Делов-то, немного мороку навела — ничего с ним не случилось, сам бы через пару часов в память пришел...

— А знатный из него пес получился... — Я тоже улыбнулся, припомнив «мужика», задирающего ногу на угол дома.

— А то! — Девушка ловко подхватила опустевшую сковороду и стрельнула глазками на баньку. — Ты уж поспеши, рабочий...

Спешить я не стал, для начала внимательно осмотрел баньку. Как назло, в памяти не нашлось никаких полезных знаний, и пришлось действовать по интуиции. Вроде бы все просто. Прямо за дверью прихожка с печью-каменкой, тут же в бадье замочены дубовые и березовые веники да всякие шайки с бадейками сложены. Налево от прихожей сама парная: о двух широких полках, да еще с выдвигаемыми скамьями и тем самым бронзовым котлом, в который я сейчас таскаю воду. С правой стороны от прихожки что-то вроде раздевалки. Пара скамей, столик с причудливым медным самоваром да шкафчик с немудрящей посудой.

Растопил печь, отыскав в своей поясной сумочке огниво с кресалом, да опять потопал к ручью. Еще пару ходок как мини-

мум придется сделать, а потом сараюшку ладить, вот как раз к тому времени банька жар наберет.

Банька... банька... Мысли сами по себе свернули на хозяйку... Она что, со мной вместе париться собралась? Ну да... В очередной раз прислушался к себе и с некоторым ужасом не обнаружил в себе никакого... Старшие Сестры!!! Что там Малена говорила про этого болезного, чье тельце я сейчас беззащитно использую? Сиську в рот сунь, а он...

— М-да... — Я вслух озадаченно хмыкнул. Все правильно. Вот не чувствую никакого влечения к девке. Нет, я могу оценить ее красоту и привлекательность — еще как могу оценить, даже ловлю себя на восхищенных взглядах, но... — Но ни хрена... — выдал я опять вслух и с досадой сплюнул.

Всю эту свою могучесть да пригожесть я с удовольствием сменяю на обычный стоячий... да и ладно... Еще раз плюнул и поперся вырубать слегу — править сарайчик.

Справился, но провозился почти до темноты, попутно доведя парную до состояния отдельного среднестатистического вулкана. Набил еще камней в основание сарая и присел на лавочке подле баньки. Думу горькую думать...

Опять приперся Буян и, положив башку мне на колени, тихонечко муркнул. Вот же ласковая животина, несмотря на вид свой страхолюдный.

— Что, Буянушка... — Я почесал ему загривок и неожиданно пожаловался: — Тебе хорошо, гуляешь сам по себе, кошек дрючишь когда вздумается...

— Мр-р-рмяу... — Кошак длинной руладой уверенно подтвердил, типа: да, гуляю, дрючу и буду дрючить.

— Ну и кто мне помогать будет?.. — капризно протянула Мала, как всегда подкравшаяся незаметно, и скомандовала: — Там в прихожке узел лежит. Тащи в баньку. — Девушка неожиданно ласково улыбнулась и добавила: — Поспеши, мочи нет терпеть, так париться хочу...

Поспешил, конечно, трудно, что ли, деву уважить? Перенес пару жбанчиков с ледяным морсом и квасом, еще какие-то заедки и целую стопку мягких домотканых простыней. Походу, ославы знали толк в банном деле — парились основательно, с комфортом. Потоптался в предбаннике прислушиваясь к радостному повизгиванию Малены за стенкой, разделся сам и, обмотав чресла простыней, шагнул в парильню...

ГЛОССАРИЙ

абордажный палаш — длинноклинковое рубяще-колющее оружие с прямым или слегка изогнутым широким клинком без долов, имеющим одностороннюю или полуторную заточку

алебарда — род колюще-рубящего холодного оружия, широкий длинный топор с лезвием в виде полумесяца, насаженный на длинное древко, имеющее наконечник в виде копья

баклер — круглый кулачный щит 20—40 см в диаметре, чаще всего металлический. Мог оснащаться специальным острием, крепившимся по центру, которым вполне можно было атаковать

бармица — элемент шлема в виде кольчужной сетки (иногда вместо кольчуги использовались ламелляр или кольчато-пластинчатое полотно), обрамляющей шлем по нижнему краю. Закрывала шею, плечи, затылок и боковые стороны головы; в некоторых случаях — грудь и нижнюю часть лица

барбют (*ит.* Barbotto) — пехотный шлем, в значительной мере закрывающий лицо за счет развитых нащечников

бастард (оружие) — «полуторный меч», «длинный меч». Из некоторых источников следует, что названием своим он обязан тем, что крепился не к поясу владельца, а к седлу лошади. Подобного рода меч ославы называют полуторником или седельником

боярин — в княжествах Жмудия, Влахия, Переполье и Назовье: бояре, привилегированный феодальный класс. Боярство передается по наследству, но некоторые его виды можно получить в качестве награды за верную службу от Великого князя

бахтерец — доспехи, у которых на груди и спине, а иногда и боках было по несколько рядов мелких пластин или «досок» из железа

брод — некоторые воины ославов, подчеркивая свою доблесть, индивидуальность и нежелание подчиняться, отправляются в одиночные походы, называемые брод, от понятия бродежить — ходить в одиночку. Слава и богатства, добытые в таком походе, придают особенный авторитет совершившему брод

бродни — мягкие кожаные сапоги с длинными, закрывающими бедро голенищами

бортник — пасечник, пчеловод

Белый Синод — организация ревностных адептов официальной религии Упорядоченного, веры в Старших Сестер

вира — в данном случае обязательная цена, расплата

Власта Непорочная — одна из немногих смертных, за исключительные добродетели в свое время причисленная к лику богинь и олицетворяющая собой девичью невинность

гайдук — в данном случае: кучер, возможно, охранник влиятельного лица

Гирхан, Дияла и Морин — богини Гея, Дея и Мара в языковой транскрипции южных народов Упорядоченного

горжет — часть средневековых доспехов. Стальной воротник для защиты шеи и горла. Мог быть частью доспехов разных конструкций

Донатова Резня — так называют священный поход против владеющих, практикующих черные чары, провозглашенный первым архипрелатом Белого Синода, Донатом Первым Страстотерпцем. Поход длился около двух лет, в течение которых было уничтожено около десяти тысяч чародеев. Им же был составлен труд под названием «Торжество Веры», считающийся основным руководством по выявлению черных чародеев

детинец — специальный лагерь-интернат для воинской подготовки подростков. Дети попадают туда начиная с девяти лет и выпускаются в шестнадцать. Обучение у мальчиков и девочек раздельное. На праздники учеников отпускают домой. Обучение чрезвычайно суровое, нередко смертельные случаи. Последние два года перед выпуском учеников привлекают на гарнизонную службу. Окончание учебы сопровождается особым обрядом-испытанием и считается началом взрослой жизни

елмань (от *тур.* *jälman* — верхняя часть сабли близ острия) — расширение в так называемой «слабой части клинка», в верхней трети клинка от острия, характерное для восточноевропейского и азиатского холодного оружия сабельного типа. Служит для усиления рубящего удара за счет инерции клинка

засапожник — нож, носимый за голенищем сапога

Зимобор — март. Названия месяцев года у ославов и еще многих народов Упорядоченного, за небольшими отличиями, удивительным образом совпадают с древнеславянскими, но пишутся с прописной буквы

иерихонка — тип средневекового шлема. Состоит из железной или стальной тульи с остроконечным верхом, снабженной элемен-

тами для защиты ушей, плоским козырьком, скользящим наносником (узкая железная полоска, защищавшая лицо от поперечных ударов), нередко — пластинчатым назатыльником. Науши и назатыльник крепились к тулье посредством кожаных ремней или реже — цепочек

каирн — ансамбль галерей и камер, покрытых сверху землей

Капитул — высший управляющий орган чародеев, основанный легендарными Мархузием Саем и Элиодорой Содесен. Капитулу подчиняются все официальные чародейские организации и профильные учебные заведения, принадлежащие этим организациям

колонтарь — один из вариантов кольчато-пластинчатого доспеха. На Звериных островах колонтарь один из основных видов национального доспеха и, в отличие от использующихся на материке, исполняется с длинными рукавами и сегментными наплечниками, совмещенными с особым вида горжетом

клевец (от «клюв») — боевой молот, чаще короткодревковый, имеющий ударную часть в форме клюва, плоского, граненого или круглого в сечении, который может быть разной длины, обычно в разной степени изогнутым книзу. Обычно скомбинирован с молотком на обухе

козья ножка — один из наиболее простых механизмов взведения арбалета, представляющий из себя рычаг на шарнире

ламеллярный доспех (от *лат.* lamella — пластинка, чешуйка) — общее название доспеха из сплетенных между собой шнуром пластин. Ламелляр обычно существовал либо в виде корсета-кирасы (часто — с длинным подолом, играющим роль набедренников), либо в форме ламеллярного халата длиной до колен, с разрезами спереди и сзади; в обоих случаях он, как правило, дополнялся оплечьями в виде листов ламеллярного полотна, иногда — защитой шеи и паха

латы — доспех из крупных металлических пластин, откованных по форме тела воина

Лютовей — февраль

Лилиг — одна из богинь-демонов Темных Пределов, аналога Потустороннего Мира в иных мифологиях и верованиях

Малуша — в ославском пантеоне: богиня, покровительствующая хозяйкам и их дому

малахай — распространенная в Сибири разновидность зимних меховых мужских шапок с наушниками и задником до плеч

Мальва — богиня, которую чаще всего называют Хозяйкой Леса, повелительница лесов и зверей, покровительница охотников и алвов. Обожает неожиданно появляться перед заплутавшими

путниками в образе юной алвки-охотницы и загадывать загадки, щедро одаривая своей любовью самых догадливых и жестоко карая глупцов. Ревностно охраняет уголья, запрещая пользоваться чародейством в лесу. Может натравить на нарушителей Белый Гон, свою охотничью стаю волков. Не относится к пантеону однозначно добрых к людям божеств

Морена — одна из богинь-демонов Темных Пределов

морок — наваждение

неделя — название воскресенья у ославов. Полностью совпадает с древнеславянским названием

ость — длинный волос на шкуре пушного зверя

павеза — большой щит прямоугольной формы; нижняя часть могла иметь овальную форму. Павеза часто снабжалась упором, иногда на нижнем крае делались шипы, которые втыкались в землю

Первый Исход — великое переселение балто-ославских племен на Звериные острова в 500 году до Восшествия Старших Сестер, состоявшееся вследствие Великого Мора на материке

прилбика — тип шлема. Отличались полусферической тульей, доходили до переносицы, поэтому имели полувырезы для глаз

Пояс Верности — так называют густую и почти непроходимую цепочку рифов и мелких островков, кольцом окружающих Звериные острова. Сильные течения, постоянно меняющийся фарватер (поговаривают, что этим занимаются владеющие ославов), плотные туманы, множественные проявления различной нечести и иных непонятных явлений сами по себе являются надежной преградой для незваных гостей

рогатина (рогатыня) — славянское тяжелое копье для рукопашного боя или охоты на крупного зверя. Отличается большим широким обоюдоострым наконечником

Рудомышь — столица Скалистого хребта, главный и самый большой город хафлингов

совня — оружие в виде насаженного на длинное древко однолезвийного изогнутого клинка. Ближайший аналог — глефа

Старшие Сестры, или **Старшие Властительницы** — в пантеоне народа ославов: верховные богини-сестры — Гея, Дея и Мара

скрамасакс — короткий однолезвийный меч или боевой нож древних германцев. Длина клинка доходила до полуметра, толщина свыше 5 мм, заточка односторонняя, конец заостренный, хвостовик, как правило, асимметричный. У ославов такой нож, называемый пястью, обязателен для ношения мужчинами и вручается им после обряда инициации

седмица — неделя

стилет — колющее холодное оружие, кинжал с прямой крестовиной и тонким и узким клинком, в классическом варианте не имеющем режущей кромки

стрельницы (машикули, бойницы косога боя, варницы) — навесные бойницы, расположенные в верхней части крепостных стен и башен, предназначенные главным образом для вертикального обстрела штурмующего стены противника

сермяга — историческое название грубого толстого сукна из простой шерсти ручного или кустарного изготовления, а также одежды из него

сигил или **сигилла** (от *лат.* sigillum) — символ или комбинация нескольких конкретных символов или геометрических фигур, обладающие магической силой

тул (саадак, колчан) — емкость для переноски стрел или болтов, представляет собой кожаный, реже металлический или деревянный чехол, с ремнями для крепления на поясе или за плечами

тягилей (тегилай) — протеганный в несколько слоев материи, конского волоса или ваты, длинный и толстый безрукавный кафтан с высоким стоячим воротником, использующийся в виде дешевого доспеха незнатными воинами и ополченцами. При всей своей простоте надежно защищал от стрел. Мог быть усилен металлическими заклепками и бляшками

урок — в данном случае: задание

Фрида, Фрейя, Эдирна, Африда, Африта, Удрина... — все это имена богини моря, покровительницы мореплавателей. Божество едино для всех народов, населяющих северные земли Мира Упорядоченного, однако носит разные имена в силу множества диалектов ославского языка

чекан — другое название клевца

шестопер — холодное оружие ударно-дробящего действия. Представляет собой разновидность булавы, к головке которой приварено шесть (реже более) металлических пластин — перьев. У народа хафлингов шестопер является обязательным для ношения мужчинами оружием, вручаемым юношам после обряда инициации

эспада (*исп.* espada) — испанский одноручный меч с прямым узким обоюдоострым клинком и сложной гардой. Эволюционировал в шпагу. Подобные мечи в Упорядоченном носят название алвских, так как изначально присущи народу алвов. Сами алвы свои мечи именуют лепестками

СОДЕРЖАНИЕ

ХРОНИКИ ГОРАНА. ПРОЗНАТЧИК. Фантастический роман	5
Глоссарий	309